

Из архивов

**ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ
В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

К. Пикок

От переводчика: Теория значения в аналитической философии занимала и занимает определяющее место. Если смотреть на развитие философии XX в. с общей точки зрения, то можно было бы сказать, что теория значения языковых выражений в различных областях знания определила своеобразие этого подхода к решению философских проблем. Различные темы, занимающие философов-аналитиков, будь то философия сознания, философия логики или математики, философия науки, социальная философия и т.д., так или иначе включают связанные с этой теорией проблемы. Сторонники каждой позиции, разрабатываемой в рамках аналитической философии, предлагают свою семантику. В этой ситуации поразительно отсутствие систематизаций, которые позволили бы соотнести достижения различных авторов, работающих в разнородных областях, с общими тенденциями развития аналитической философии. Статья Кристофера Пикок относится к одной из тех редких систематизирующих работ, которые учитывают достижения семантических исследований в разных разделах этого философского направления (для сравнения см. одну из них таких работ в переводе на русский язык: Сааринен Э. О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986). Автор статьи оговаривает, что его систематизация ограничивается 60–70-ми годами прошлого века. Заметим, что описанная им ситуация вполне характеризует темы не только выбранного им времени, но и положение в семантике как предыдущих, так и последующих 20 лет. Эта классическая систематизация и вытекающие из нее следствия

нисколько не утратили своего значения и могут рассматриваться и как исследование по истории философии XX в., и как оригинальная работа по семантике.

Перевод выполнен по изданию: *Peacocke C. The theory of meaning in analytical philosophy // Contemporary Philosophy: A New Survey.* – The Hague; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers, 1981. – V. I. – P. 35–56. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 05-03-03402а.

Суровцев В.А.

Рамки этого обзора будут ограничены не только в отношении указанного названия и объем задан менее чем 30 страницами, но также пропусками, неизбежными при обсуждении семантики отдельных выражений (собственных имен, указательных местоимений, служебных частей речи, предикатов, сентенциальных операторов и т.д.), которые в результате не могут не оказать влияния на нашу концепцию семантической теории. Но даже с этими ограничениями поле исследования чрезвычайно обширно, и если мы проведем разделение в соответствии со следующими вопросами, это окажет помощь в структурировании нашего обсуждения.

(I) Какую форму должна принимать теория, специфицирующая значение всех предложений отдельного языка? Следуя соглашению, такую теорию для отдельного языка я буду называть «теорией о значении» [meaning theory] (ТОЗ) для этого языка, а словосочетание «теория значения» [theory of meaning] (ТЗ) зарезервирую для теории (в совокупности с аргументами в ее пользу) о корректной форме для ТОЗ.

(II) Благодаря чему к отдельному языку, используемому сообществом его носителей, применима одна, а не другая ТОЗ?

(III) Какие различные ограничения и недостатки связаны с отношениями между нашими ответами на вопросы (I) и (II)? Хотя мотивация теоретика при ответе на любой из этих вопросов особым способом едва ли может быть независимой от взглядов, которых он придерживается относительно других вопросов, возможно, что разные теоретики придут к согласию при ответах на одни вопросы (особенно на (I)) и не согласятся относительно других.

I. Какую форму может принимать теория о значении?

Я перечислю шесть ответов на этот вопрос, имевших место в последние 20 лет, а затем рассмотрю, как обстоят дела относительно условий их адекватности, извлекаемых лишь из идеи ТОЗ. Эти шесть ответов

не являются взаимоисключающими. Есть философы и лингвисты, которые хотели бы скомбинировать некоторые из них, при этом каждая часть общей теории выполняет свою роль из числа требуемых от ТОЗ.

(i) *Трансляционная семантика*. Согласно идее, унаследованной от Фодора, Каца и Постала, ТОЗ должна заключаться в отображении предложений языка, для которого она должна быть задана в языке с четкой структурой, в языке, который ясно показывает различные отношения следования между предикатами и, возможно, другими выражениями [Katz, Fodor, 1963; Katz, Postal, 1964]. Хотя в генеративной семантике от идеи синтаксически идентифицируемого уровня глубокой структуры, к которой применяется трансляционная семантика, отказались, концепция интерпретации как частичного перевода в то или иное *нечто* осталась. Трансляционная семантика есть лишь вариация фундаментальной темы, заданной этой идеей, если предполагается, что семантическая репрезентация использует логику первого порядка. (Обзор см.: [Fodor, 1977].)

(ii) *Теоретико-модельная семантика*. Этот подход, развиваемый, в частности Монтегю [Montague, 1974a] и его учениками, состоит в том, что ТОЗ для языка *L* должна состоять из определения истины в произвольной модели для каждого предложения из *L*. Почти все приверженцы теоретико-модельной семантики согласны (или в своих метатеоретических комментариях, или демонстрируя это своей реальной практикой) с тем, что в ТОЗ для языка следует отобрать один выделенный индекс, относительно которого определяются модели для действительного мира, настоящего момента или чего-то еще. Монтегю [Montague, 1974b] прямо пишет о том, что это должно быть сделано. Но помимо согласия в этом пункте между разновидностями защищаемых модельных теорий имеются значительные расхождения. (Некоторые, возможно, вообще не согласятся с названием «теория моделей».) (a) Есть те, кто считает, что ТОЗ должна специфицировать объемы выражений не только в отношении действительного мира, но также и в отношении тех спосов, которыми могла бы развиваться ситуация, – это, например Дэвид Льюис [Lewis, 1972]. С этой точки зрения придание объемов выражениям в отношении недействительных миров подразумевает получение актуального значения выражения в рассматриваемом языке. В случае английского языка в отношении любого мира вообще корректная ТОЗ будет приписывать «зеленый» множеству вещей, являющихся зелеными в этом мире. (b) Есть приверженцы модельной теории, чьи построения не

столь ограниченны в отношении недействительных миров. Теория моделей рассматривается таким образом, что эти миры не играют в ней никакой роли. Тем не менее интерпретация логических констант в этом втором варианте не изменяется от модели к модели (например, по-видимому, у Монтегю [Montague, 1974a]). (с) Есть и такие, кто разрабатывает модельную теорию в ТОЗ таким образом, что намеревается выразить некоторое понятие структурной корректности выводов в языке. Сходство и различие моделей подразумевается в следствиях, а не в предпосылках теории понятия структурной корректности (см., например, [Evans, 1976a]). Название «семантика возможных миров» в обзоре такого рода имеет мало значения по той причине, что оно может охватывать не только какую-то одну из трех разновидностей данного подхода, но также, в частности, ТОЗ, подпадающую под (iii).

(iii) *Теоретико-истинностная семантика*. Одно из главных достижений данного периода – это в общих чертах намеченное Дэвидсоном предположение, что ТОЗ для языка L должна представлять собой финитно аксиоматизируемую теорию истины для предложений из L или для предложений некоторого языка, из которого предложения из L можно получить посредством преобразований, сохраняющих значение [Davidson, 1967; 1973; 1976]. В данном случае рассматривается абсолютная истина, а не истина в модели. Релятивизация предиката истины, имеющая место в такой теории, сопровождается индексацией или, если выполнимость рассматривается как релятивизация истины, сопровождается тем фактом, что замкнутые предложения иногда составлены из открытых предложений. Как (ii), так и (iii) стимулированы Тарским, – оба подхода порождены исследовательскими программами, предназначенными для трактовки отдельных конструкций объектного языка (ОЯ) с соответствующими им концепциями ТОЗ (см., например, [Davidson, Harman, 1972; 1975]).

(iv) *Теоретико-игровая семантика*. Вдохновленный развитием теоретико-игровых техник в исследовании логической общезначимости, Хинтикка предположил, что ТОЗ для языка L представляет собой множество правил, связанных с каждым предложением этого языка игрой. Игра может рассматриваться как то, что разыгрывается между тем, кто утверждает предложение, и Природой [Hintikka, 1976; 1977; Saarinen, 1977]. На каждом этапе предпринимается ход, зависящий от формы предложения, и этот ход требует либо от утверждающего, либо от Природы сделать выбор. В результате каждого хода получается

предложение меньшей длины, в отношении которого игра продолжается. Утверждающий выигрывает, если игра заканчивается истинным атомарным предложением, а комплексное предложение может быть определено как истинное, если тот, кто его утверждает, обладает выигрышной стратегией в соответствующей игре. Эта общая концепция применяется с некоторыми уточнениями к конструкциям естественного языка. Однако многие, а возможно, все результаты, относящиеся к предложениям естественного языка, могут быть получены с помощью других теорий значения, ибо теоретико-игровые правила легко порождают соответствующие теоретико-истинностные и теоретико-модельные аксиомы [Peacocke, 1978; Hintikka, 1978].

(v) *Критериальная и конструктивная семантика.* Одна из точек зрения на корректную форму ТОЗ широко разрабатывалась в дискуссиях в рамках философии сознания в 50-х и 60-х годах, а в период, которому посвящен наш обзор, ее основания стали более эксплицитными. Ее сторонники считают, что эти взгляды были высказаны Витгенштейном в его поздних работах. Эта точка зрения состоит в том, что специфицировать значение предложения – значит специфицировать, что представляет собой его критерий [Baker, 1974; Hacker, 1972; Lycan, 1971]. Если случилось так, что p является критерием для предложения s , то говорится, что p обеспечивает для s неиндуктивную очевидность, но не влечет истинности s . Может случиться, что как это p , так и это s являются ложными. Для данного предложения имеется множество критериев, и критерии могут быть аннулированы. Некоторые считают, что может быть аннулирован *любой* критерий, если мы достаточно умны, для того чтобы продумать обстоятельства. Понятие критерия используется некоторыми его приверженцами при попытке дать ответ или снять скептицизм относительно чужих сознаний или материального мира, но это суть требуемые следствия теории критериев, а не часть определения данного понятия. Для некоторых теоретиков неразрешимыми предложениями являются те, что особенно требуют критерия для спецификации своего значения, и тогда сами критерии должны быть разрешимыми. Аргумент Витгенштейна относительно следования правилу применяется как к разрешимым, так и к неразрешимым понятиям, но в случае неразрешимости особенно ясно, что нет ничего внутреннего, что приводило бы говорящего к использованию этих понятий в их классической интерпретации. В любом случае существенно то, что аргументы, заставляющие ввести понятие критерия, в свою очередь, неприменимы к самим

критериям. Привлекательной систематической теорией для таких теоретиков является интуиционистская семантика для арифметики с позиции теории конструкторов. Рассмотрение значения предложения здесь дается не с точки зрения того, что нужно, для того чтобы оно было истинным, но с точки зрения чего-то такого, что должно быть похоже на доказательство предложения [Dummet, 1976; Kreisel, 1962; Wright, 1976].

(vi) *Концептуально-ролевая семантика*. Один из естественных способов расширения функционализма, предложенный однажды Патнэмом, состоит в предположении, что специфицировать значение предложения значит специфицировать мысль, где «мысль» используется не в смысле, который вкладывал в это понятие Фреге, но в смысле, в котором специфицировать мысль – значит специфицировать роль в сети агентов восприятия, психологических состояний и действий. Такое расширение в общих чертах предложено Харманом [Harman, 1973; 1974a]. Относительно формального развития этого взгляда ожидается, что значение предложения s предопределяется следующим: (a) какой сенсорный стимул продуцирует веру в s , а какой – неверие в s ; (b) из какого множества предложений заключают к s и с какой вероятностью; (c) что можно вывести из s и с какой вероятностью; (d) каковы результаты веры и желания, выраженные посредством s , относительно действия. В каждом случае пункты (a) – (d) должны быть специфицированы относительно каждого множества принимаемых на веру вспомогательных гипотез (a в случае (d) также и относительно желаний). Теория, продолженная в этом направлении и имеющая дело только с (b) и (c), была развита Филдом [Field, 1977].

Теория моделей для языка L должна быть такой, что если кому-то известна теория и он знает, что она удовлетворяет условиям, предъявляемым к теории значения для L , то он в состоянии понять предложения из L . Льюис и Дэвидсон убедительно доказали, что трансляционная семантика не удовлетворяет этому условию. Можно знать, как перевести предложения одного языка на другой, не понимая какие-либо предложения первого языка. Против этого аргумента говорилось, что теории с (ii) по (iv), как мы их здесь охарактеризовали, для того чтобы удовлетворять условию адекватности, предполагают необъяснимую компетентность относительно метаязыка, в котором формулируется теория, и что если это допустить, то аргумент против (i) рухнет, поскольку, если мы предполагаем компетентность в языке, в котором рассматривается перевод, выражение перестает действовать. (См., например, [Harman, 1973; 1974a].)

Но в этом ответе на критику смешиваются две различные роли. В теории вида (i) в игре три языка: есть метаязык, в котором обдумывается теория и который определенно должен быть понят, если должна быть понята теория, есть язык переводимый и есть язык, в который перевод отображает. В теориях вида (ii) – (iv) есть два рассматриваемых языка, метаязык теории и объектный язык, для которого эта теория является ТОЗ. Аналогом требуемого понимания метаязыка в случаях (ii) – (iv), если теория должна быть понята, является понимание метаязыка, в котором специфицируется руководство для перевода. Требование понимания языка, в котором дан перевод, требование, которое должно выполняться, если должно выполняться условие адекватности, добавочно. Теория вида (i) является адекватной, только если мы по умолчанию используем теорию значения в случае одного языка, где эта теория не является приспособлением для перевода. Но если такие теории могут быть заданы, то почему бы не задать одну прямо для объектного языка и избежать окольного пути? Это общее возражение на трансляционную семантику, по-видимому, не основывается, как предполагает Кац [Katz, 1972], на неудачном различении смысла и значения. Можно знать приспособление для перевода из L в L' и знать, что оно сохраняет значение, ничего не зная относительно либо смысла, либо референта предложений из L .

Поскольку теории (ii) – (iv) предопределяют абсолютные истинностные условия предложений из ОЯ, которые они трактуют, и поскольку в спецификации истинностного условия, которое они придают, предложение, подразумевающее то же самое, что и предложение из ОЯ, используется, а не упоминается, они удовлетворяют условию адекватности относительно понимания. А что с теориями (v) и (vi)? В случае критериальной семантики имеется два множества проблем. Первое связано с формой критериальной спецификации значения, предполагаемое возможным. Но для того чтобы избежать одного ненужного осложнения, предварительно замечу, что в приведенном выше описании я предполагал, что «является критерием для» – это термин для предложения и для *используемого* предложения, чтобы образовать предложение, а не отношение между предложениями, как у Бейкера [Baker, 1974] и Хаккера [Hacker, 1972]. Если следовать в последнем направлении, ТОЗ вида (v) была бы открыта всем возражениям, относящимся к трансляционной семантике. Относительно формы критериев на ум приходит множество проблем, состоящих в том, что во многих (вероятно, во всех) случаях, в которых понятию задается критерий, по-видимому, строго априор-

ным не является то, что эти критерии обладают достаточной очевидностью для применения понятия, если они не внедрены в само рассматриваемое понятие. Неясность того, существуют ли какие-либо разрешимые условия, которые встроены в само понятие и которые к тому же обладают достаточной априорной очевидностью, применяемой понятием, – это вопрос второстепенный. Главная же проблема состоит в том, что если условие, встраиваемое в понятие, нередуцируемо к условиям, которые в него не встроены (как подсказывает мысль, которая вытекает из этих рассуждений), то, возможно, что схватывание этих понятий не обнаруживается без того, чтобы обнаруживалось схватывание понятий со встроенными условиями. Однако именно схватывание понятия, вводящего критерии, должно помочь объяснению, а не тому, чтобы принимать без доказательств. Защитники ТЗ вида (v) должны либо обратиться к этим вопросам, либо показать, что выдвинутое ими предположение не является корректным.

Второе множество проблем вызывает сомнение в том, достаточно ли обеспечено предложение списком критериев, для того чтобы специфицировать то, что предложение *говорит*? Стросон и другие отрицали бы, что это так [Strawson, 1976–1977]. Райт отвечал, что возражения устранимы заданием гомофонной ТОЗ, рекурсивно устанавливающей объем выражения «утверждаемо (в состоянии информации *i*)» [Wright, 1979]. На более позднем отрезке рассматриваемого нами периода общепризнанной становится точка зрения, что относительно задания конструктивно приемлемой гомофонной ТОЗ затруднений нет [Wright, 1976; McDowell, 1976]. Конечно, верно, что нет препятствий для того, чтобы получить все Т-предложения для языка первопорядковой арифметики в гомофонной теории истины, используя в метаязыке только интуиционистскую логику. Например, в этой интерпретации приемлема аксиома введения двойного отрицания, если все связки прочитываются конструктивно. Но, во-первых, есть принципиальные затруднения с распространением этого тезиса на эмпирический дискурс. Мы не можем сказать, что отрицание предложения *s* утверждаемо в *i*, если нет состояния информации *i'*, которое и расширяло бы *i* и в котором утверждалось бы *s*, ибо в эмпирическом случае это не является условием, которое мы опознаем как имеющее место, если оно имеет место, но у нас нет идеи, как доказать конструктивную версию этого. Второй общий вопрос связан с наблюдаемостью. Наблюдаемость кажется естественным аналогом для эмпирического дискурса разрешимости в арифметике [Dummett, 1976]. Условие

же, о котором говорится как об имеющем место в предложении наблюдения, может иметь место без того, чтобы быть наблюдаемым, если наблюдатели не находятся в подходящих условиях. Понимание предложения наблюдения включает в себя способность устанавливать его как истинное, даже если оно не наблюдается как истинное. Но если эта способность понимается так, то она может включать гипотезы относительно точек пространства и моментов времени, которые сами неразрешимы. Можно доказать, что в эмпирическом дискурсе у нас нет абсолютной наблюдаемости, а есть только по-разному релятивизированные ее виды, релятивизированные относительно типа гипотезы, используемые в ортодоксальных средствах ее подкрепления без наблюдения.

Тем не менее можно удовлетворительно развить концептуально-ролевую семантику, допускающую оценку в отношении понимания условия адекватности. Для того чтобы избежать возражения, в усовершенствованной версии Филдса к концептуальной роли просто добавляется теория истины Тарского. Но для того чтобы избежать другого возражения, принимается обязательство установить, каким образом соотносятся концептуальная роль и теория истины, ибо неправдоподобно, что значение предопределено несоотносимой парой понятий.

Второе условие адекватности относительно ТОЗ, связанное только с их формой, состоит в том, что они должны показать, каким образом значение комплексных предложений предопределено значением их частей. Следуя данному Дэвидсоном (в период, охватываемый предыдущим обзором) определению семантического примитива как такого выражения, что правила, достаточные для определения значения предложения, в которых это выражение не встречается, недостаточны для определения значения некоторых предложений, в которых оно встречается, Уоллес и позднее Дэвис значительно уточнили условие адекватности этой формулировки и идеи, предъявляемое к ТОЗ [Wallace, 1972; Davies, forthcom.]. Грубо говоря, уточнение состоит в том, что принципы, используемые в ТОЗ, для того чтобы получить спецификацию значения предложения из ОЯ, таковы, что все и только те спецификации значения предложений, которые могут быть получены из этих принципов, являются спецификацией предложений, которые могут быть поняты, если понимается заданное предложение. Ограничения, связанные с этим направлением, будут исключать различные тривиализации ТОЗ, а также обеспечивать проверку детализированных семантических теорий относительно конструкций отдельного ОЯ. Способность переходить к новым случаям при изучении

языка не должна ограничиваться прежде не встречавшимися предложениями. Способность применить атомарный предикат к новым случаям также является важной. Весьма далеко от ясности то, что ТОЗ вида (v) отвечает этому феномену. На самом деле никто не изучает обширный список критериев при изучении смысла атомарных предикатов проблематичного вида. Изучают нечто такое, что унифицирует критерии и позволяет применять слово в новых случаях. Если бы это было не так, не было бы ответа на возражение, что предикат с многочисленными критериями является двусмысленным. Взгляд на список критериев, изменяющий только один из критериев для данного предложения, должен дать новое предложение с предопределенным смыслом, и не очевидно, что это так. Та же самая точка зрения относительно спецификаций (a) – (d) может быть установлена в ТОЗ типа (vi). Значение есть как раз то, что унифицирует все эти пространственные списки.

В качестве цели ТОЗ давно рассматриваются определенные отношения следования между предложениями ОЯ. В данной области теории в двух отношениях далеко обогнали понимание условий, относительно которых подразумевается, что они должны им удовлетворять. Есть неясность относительно того, какие именно отношения следования предполагается схватить в теории, и есть неясность относительно того, каким образом в ТОЗ должны трактоваться известные выводы. С одной стороны, Дэвидсон полагал, что любая теория, в которой все Т-предложения для рассматриваемого ОЯ доказуемы, необходимо признает те выводы, которые стремятся отличить как общезначимые некоторым предпочитаемым способом [Davidson, 1969]. Грэнди [Grandy, 1974] и Эванс [Evans, 1976a] отметили, что это общезначимо только для некоторых выводов, и определенно не для выводов, касающихся модификации наречий, которыми, в частности, интересовался сам Дэвидсон. Действительно, чтобы получить Т-предложения, нужны только правило партикуляризации и взаимоподстановочность предикатов и терминов, относительно которых в теории доказуема одинаковость объемов. Остается также вопрос о том, существует ли какая-либо причина того, что особую роль играет ограничение логикой первого порядка. Это является частью вопроса о том, существует ли какое-то отличительное свойство у традиционных логических констант.

Примечательно, что в этот период во многих из последующих работ по последней проблеме обращались к теоретико-истинностным свойствам выражений [Quine, 1969; Peacocke, 1976a]. Это предполагает, что

в допущении относительно того, что как часть ТОЗ необходимо применять модельную теорию (если чья-то концепция модельной теории состоит в том, что интерпретация традиционных логических констант зафиксирована посредством моделей), есть некоторая избыточность. Ибо соответствующая область и разновидность моделей фиксировались бы посредством теории абсолютной истины, а истинность была бы специальным случаем истинности в модели только в формальном смысле. Были попытки [Evans, 1976a] разработать более общее понятие структурной общезначимости вывода, согласно которому первопорядковые выводы не учитывались бы как структурно общезначимые на основании того, что они зависят от смысла отдельных выражений, а не от способа построения предложения. Но полностью удовлетворительный критерий для этого различения, который к тому же работал бы при рассмотрении некоторых выводов как структурно общезначимых, еще должен быть сформулирован [Davies, forthcom.].

II. Почему к используемому языку применима одна, а не другая ТЗ?

В предыдущее десятилетие ответ на этот вопрос был дан Грайсом и затем им же был уточнен в серии статей и в книге Шиффера [Grice, 1968; 1969; Schiffer, 1972]. Фундаментальная идея состоит в том, что лингвистическое значение может быть определено с точки зрения означивания агентом чего-то посредством (продуцированием) действия («s-значения») и что это второе понятие есть предмет обладания агентом открытого комплексного намерения вызвать определенный ответ у определенной аудитории через осознание аудиторией его намерения. Это намерение совершенно открыто в том смысле, что нет намерения, требуемого для s-значения, с которым агент не стремился бы ознакомить аудиторию. Отсюда следует, что намерения, требуемые для s-значения, либо образуют бесконечную последовательность, либо являются самореферентными [Harman, 1974b].

Обычно в подобных разработках, осуществляемых в рамках подхода Грайса, говорится, что связь между s-значением и лингвистическим значением обеспечивается понятием конвенции. На самом же деле идея, весьма приблизительно, состоит в том, что для предложения *s* означать, что *p* в сообществе *C*, значит быть в *C* конвенцией, поскольку *s* произносится, только если вы тем самым *s*-обозначаете, что *p*.

Понятие конвенции изящно исследовал Льюис [Lewis, 1969]. Фактически же совершенно не ясно, что язык должен быть конвенциональным в смысле Льюиса, и утверждение, что он должен быть таковым, оспаривалось на последнем отрезке рассматриваемого нами периода [Burge, 1975; Peacocke, 1976b]. В любом последующем исследовании конвенции определенно надо различать следующие понятия. Есть определение Льюиса. Далее, есть концепция, что конвенциональной является практика в том смысле, что *может* существовать сообщество (не обязательно то, которое рассматривается), где намерения, обслуживаемые данной практикой, могли бы обслуживаться различными способами. Законы природы и человеческие цели остались бы неизменными. Далее, есть еще более слабое понятие о том, что практика поддерживается общими ожиданиями, которые будут согласовывать с ней другие. Кроме того, есть обычные определения практики как конвенциональной в отношении одной, а не другой социальной цели. Для любой пары этих понятий не так трудно подобрать примеры, к которым приложимо одно, но не другое. Представляется, что язык конвенционален только в соответствии с самым слабым из них.

Однако наиболее фундаментальные критические замечания относительно программы Грайса связаны не с наведением мостов между s-значением и лингвистическим значением, а с ролью самого s-значения. Рассмотрим некоторые из них.

Одно такое направление критики, заключающееся в том, что поскольку в подходе Грайса используются пропозициональные установки, которые имеют те же самые содержания, что и предложения, чьи значения с их помощью пытаются определить, постольку теория не учитывает того, что значит иметь понятие. Это мы отложим до обсуждения умеренности в разделе III. Конкретнее, утверждается, что предложения с пропозициональными установками должны рассматриваться как отношения к предложениям или выражениям с определенным значением (как, например, в работе Дэвидсона [Davidson, 1969], так что если придерживаться редукции Грайса, то получился бы замкнутый круг, поскольку лингвистическое значение объясняется с точки зрения пропозициональных установок, а эти установки – с точки зрения лингвистического значения. Это возражение неубедительно не только потому, что основанный на предложениях анализ предложений с пропозициональными установками на самом деле не требует использования выражения «означает, что» (или какого-то синонима). Это неубедительно

также из-за наличия дилеммы, применимой к предполагаемому рассмотрению предложений с пропозициональными установками. При анализе предложение ОЯ «Джон может иметь намерение закрыть дверь безотносительно к тому, что означают выражения или предложения» является истинным или же нет. Если нет, то рассмотрение неадекватно. Если да, то сочетание его с идеей Грайса не дает замкнутого круга. Ни в том, ни в другом случае в отношении программы Грайса нет принципиального возражения.

Второе возражение обусловлено тем фактом, что нельзя приписать детализированные намерения агенту использования языка до интерпретации значительной части его языка (поскольку это само по себе является значительной частью его намеренного поведения). Этот момент, как подчеркивалось Дэвидсоном [Davidson, 1973; 1974], конечно же, показывает, что намерения Грайса не могут использоваться как очевидная основа в предпринимаемой радикальной интерпретации, но не показывает, что редукции Грайса не являются истинными. В самом деле, сторонник Грайса должен учесть этот момент, если он в определенной степени придерживается холизма в психологии пропозициональных установок. Лингвистическое поведение особенно богато и структурировано, к тому же оно является формой прямого выражения установок агента. Поэтому любое приписывание агенту пропозициональных установок должно нести ответственность за этот источник очевидности и будет отвергнуто, если неспособно учитывать такое поведение.

Более серьезный источник затруднений состоит в том, что редукции Грайса предположительно ограничены использованием в определениях несемантических пропозициональных установок, т.е. установок, которые не включают «указывает», «истинно», «означает (говорит), что». Однако было показано, что определение лингвистического значения может быть задано и без таких установок. (По сути дела, это одна из интерпретаций того, что когда-то говорил Серл [Searle, 1969].) В особенности правдоподобно, что такие семантические установки, по-видимому, входят в надлежащее рассмотрение, устраняющее неоднозначность в отдельных случаях использования неоднозначных предложений. Говорящий хочет, чтобы аудитория осознала, что его выражения имеют одни, а не другие истинностные условия. Следует также заметить, что не существует непосредственного, принимаемого без вопросов аргумента, вытекающего из утверждения, что если у двух человек являются общими все их несеман-

тические пропозициональные установки, то они будут иметь одинаковую предрасположенность к вербальному поведению, так что лингвистическое значение их выражений будет одним и тем же. Поэтому некоторая форма анализа Грайса должна быть корректной. Дело совсем не в том, что с необходимостью не существует какого-либо перехода от выводимости к сводимости (в конце концов, *этот* пробел здесь не может быть важным, поскольку если семантические описания следуют из психологических, было бы правдоподобным, что семантические описания могут быть известны, если известны психологические описания, и это могло бы быть так, только если существовали бы связующие принципы). Скорее, предрасположенности специфицируются посредством пусковых условий их проявления. И если пусковое условие является семантической пропозициональной установкой, то нет необходимости в том, чтобы вербальные предрасположенности двух людей с одинаковыми несемантическими пропозициональными установками были одинаковыми. Мы не должны приводить в качестве аргумента спорное положение, предполагая, что это семантически специфицированная предрасположенность уже включена в несемантические предрасположенности. Однако все это служит только для критики не соответствующего заключению аргумента, но не самого заключения.

Иной вариант ответа на вопрос (II) дал Дэвидсон [Davidson, 1973; 1974]. Конечно, неудивительно, что тот, кто принимает теоретико-истинностную концепцию ТОЗ, должен дать нетривиальный ответ на вопрос (II), поскольку очевидно, что для интерпретации экстенциональной теории истины требуется нечто большее, чем просто ее истинность. Ответ Дэвидсона заключается в том, что он предлагает рассмотреть, как нам следует идентифицировать интерпретационную теорию истины в качестве корректной при радикальной интерпретации. Грубо говоря, предположение состоит в том, что мы прежде идентифицируем, какие предложения ОЯ носители языка считают истинными. Затем мы отбираем как интерпретационную ту теорию истины, которая приписывает истинностные условия предложениям ОЯ таким способом, чтобы при определенных эпистемологических ограничениях другая теория не заставляла бы считать, что истинным является большее число предложений. Решающий момент состоит в том, что, соглашаясь, что для идентификации примеров того, что считается истинным, нам нужно кое-что знать о желаниях и убеждениях агента, мы, тем не менее, можем знать,

что некто считает предложение истинным, не зная, какой смысл он ему приписывает или какое убеждение он выражает, высказывая его. Любая теория истины, актуально отобранная (если придерживаться неопределенности, то может быть больше одной теории), конечно не является приближенной теорией истины для условий, при которых предложения ОЯ считаются истинными. Это в точности теория условий, при которых они *являются* истинными.

Для решения вопроса (II) сторонники этой позиции должны иметь ответ на возражение о том, что она дает возможность рассмотреть то, как обнаружить, что теория истины является интерпретационной, но не то, что значит для теории быть интерпретационной, какая процедура обеспечивает успех в поиске. Один из способов выработать этот ответ заключается в том, чтобы доказать, что в других случаях, в которых мы проводим противопоставление между методами обнаружения и тем, что обнаруживается, мы имеем некоторую концепцию, альтернативную применению рассматриваемой концепции, помимо рассматриваемой процедуры. Это не так в отношении понятий истины и сказанного. Языковое средство слушающего, определенно не связанное с применением слушающим чего-то подобного процедуре радикальной интерпретации Дэвидсона, могло бы посредством этой общей позиции обеспечить аргумент, что слушатель первого языка без использования выводных процедур приходит к применению понятия сказанного в соответствии с объемом понятия, определенного процедурой радикальной интерпретации.

Что касается сохранения истины, то дальнейшего исследования заслуживают по крайней мере два вопроса. Первый связан с аргументом, что в радикальной интерпретации может играть роль то, что факт, что некто может знать, что человек считает предложение истинным без знания того, что оно подразумевает, сам по себе не показывает, что следует считать за истинное. Ибо здесь может иметь место тот случай, что всегда, когда некто знает, что предложение считается истинным, не зная его смысла, это происходит потому, что убежденный в этом находится в некоторых ситуациях, подобных этой частной ситуации, ситуации, в которой он или другие находились, когда считали высказанное предложение истинным. И могло бы быть так, что относительно этих случаев в чьи-то основания для убежденности в том, что это предложение считается истинным, включен тот факт, что наилучшая общая теория делает рассматриваемого человека убежденным в том, что *p* и интерпретирует это предложение как подразумевающее, что *p*. Второй, и более общий, вопрос

касается того, нужно ли понятие, играющее роль того, что предусматривает Дэвидсон, для того чтобы считать истинным? Мы не можем продолжить интерпретацию, проверяя все наши комбинации теории истины и приписывания убеждения, желания и намерения и рассматривая, дают ли они удовлетворительное разумное объяснение всему лингвистическому поведению агента? Изначальная и проверенная гипотеза относительно проявления принятия за истину может быть полезна при рассмотрении вероятных комбинаций с проверкой, но это может быть истинным также и относительно первоначальных предположений, касающихся детализированных установок и смыслов предложений.

Предложенный Дэвидсоном метод перехода от очевидности к теории истины с точки зрения принятия за истину посредством принципа милосердия при некоторых интерпретациях открыт для возражений со стороны каузальных теорий реляционных пропозициональных установок [Evans, 1973; McGinn, 1977]. Эту тему можно было бы более полно рассмотреть в рамках обзора по философии сознания.

III. Какие различные ограничения и недостатки связаны с отношениями между нашими ответами на вопросы (I) и (II)?

Полный ответ на вопрос (III) должен включать в себя адекватный взгляд на отношения ТОЗ как с физикой, так и с психологией (о крайних высказываниях в рамках отдельных установок относительно этих проблем см. [Field, 1975; 1977; Fodor, 1975]). Чтобы избежать еще большей степени краткости, чем обнаружилось в предыдущем разделе этой статьи, я сконцентрируюсь на двух вопросах относительно неопределенности, проявления и знания семантических свойств.

Вопросы относительно проявления и знания семантических свойств явно соотносятся с общими теориями значения (ТЗ), а не с ТОЗ, поскольку вопросы, оставленные открытыми ТОЗ, могут быть поставлены в сопровождающей теории значения. Удобным отправным пунктом для обсуждения является понятие *умеренности*, введенное Даммитом [Dammett, 1975]. Общая теория значения может быть описана как умеренная, если она утверждает, что ТОЗ для отдельных языков может установить только то, какие понятия с какими выражениями ассоциируются в языке, который она трактует. Даммит иногда говорит, что ТОЗ, подтвержденная умеренной ТЗ, — это теория, которая для любого

понятия, соотносимого ею с некоторым выражением объектного языка, «была бы понятна только тому, кто уже схватил понятие». Представляется, что возражение относительно умеренности должно включать в себя требование теории, которая может быть понята тем, кто еще не обладает понятием, выраженным в этой теории. Но фактически здесь есть несколько подлинных проблем.

Первая проблема связана с вопросом о том, что значит обладать понятием. Корректно ли выдвигать условие относительно того, что значит для человека x обладать понятием, внедряющим выражение для этого понятия внутрь пропозициональной установки или косвенного глагола высказывания, применяемого к x ? Одно прочтение умеренности заключается в том, что это никогда не может быть сделано корректно. К этой проблеме относится и то, что негомофонные предложения в ТОЗ стали ассоциировать с умеренностью. Ибо редукция одного понятия к другим, при условии что то, что она должна иметь редуцируемые понятия, не является проблематичным, отвечала бы его требованию. Поскольку также очевидно, что этот процесс должен где-то остановиться, проблема, касающаяся умеренности, относится также к условиям законности гомофонных предложений. В частности, являются ли они законными только для разрешимых понятий? Вторая проблема заключается в том, что делает аксиому ТОЗ корректной. Следует ли некоторое ее описание давать в несемантических в конечном итоге терминах или же нет? (В рамках одного из взглядов на познание языка, обсуждаемого ниже, по-видимому, нет причины предполагать, что такое несемантическое описание должно быть пригодным.)

Третья проблема, которая возникает, даже если мы умеренны в двух предыдущих отношениях, но которая не выделяется Даммитом, состоит в следующем. В рамках умеренных теорий значения мы можем отличить то, что я буду называть *тацитарными* [taciturn] теориями, от *дифидентных* [diffident] теорий значения. Дифидентные ТЗ дают описание для каждого понятия, выраженного выражением объектного языка, которое представляет собой проявление уверенности, включающего это понятие, описание, которое *использует* само это понятие, но которое не предполагает, что объектный язык говорящего содержит это понятие. Это средняя позиция. Ибо хотя в ее рамках предлагается некоторое описание того, что может сделать ее корректной, чтобы приписать понятие, здесь не предлагается редукции рассматриваемого понятия и не нужна разрешимость понятия для дифидентного описания, чтобы

эта позиция могла быть пригодной. Примерами дифидентного описания являются разрешающие таблицы Куайна для сентенциальных связей и описание Рамсеем того, что значит верить в предложение с универсальной квантификацией с точки зрения предрасположенности к форме единичных уверенностей [Quine, 1974; Ramsey, 1931]. В случае примера Рамсея эта предрасположенность вполне приемлемо специфицируется с использованием самой универсальной квантификации, и это то, что делает описание дифидентным. Одна из привлекательных черт дифидентности состоит в том, что для каждого английского выражения она предлагает описание того, что делает его корректным, чтобы с помощью этого английского выражения интерпретировать выражения в различных языках самых разных уровней сложности. Тацитарные ТЗ, с другой стороны, ничего не говорят о каждом отдельном виде выражения, и сторонник тацитарности должен показать, почему заявленные привлекательные черты дифидентности иллюзорны. Если дифидентность является корректным требованием к теории значения, она определяет цель главной философской программы. Ибо она требует, чтобы для каждого понятия имелось некоторое описание проявления условий обладания этим понятием.

Вопрос о том, должны ли носители языка знать, что устанавливается аксиомами ТОЗ для их языка, конечно, не решается посредством определения того, является ли теория реалистской или конструктивистской. С одной стороны, можно быть в состоянии ответить на конструктивистские сомнения относительно проявления признаваемых трансцендентными убеждений, не утверждая, что реалистские, семантические аксиомы известны носителям языка. С другой же стороны, адекватное проявление корректности семантической аксиомы в конструктивистской теории значения не подразумевает, что семантическая аксиома известна носителям языка. Тем не менее некоторые теоретики утверждали, что компетентные носители должны знать, хотя, конечно, только молчаливо, аксиомы корректной ТОЗ для их языка. Этой позиции придерживаются некоторые последователи Хомского [Graves et al., 1973]. Позиция же самого Хомского очень осторожна, и он, по-видимому, более склонен настаивать на внутренней реализации аксиом корректной грамматики, а не на знании их носителями языка [Chomsky, 1975]. Наиболее оправданная точка зрения, противостоящая этому взгляду, — это точка зрения, являющаяся семантическим аналогом позиции, предлагаемой Стичем для синтаксиса [Stich,

1971]. Этот взгляд состоит в том, что компетентные, понимающие носители имеют знание только того, о чем говорится полным предложением, записанным или помысленным, с которым они представлены в речи. Понять язык – значит иметь способность овладеть таким знанием невыводным образом. (Как и в случае перцептуального знания, сказать, что знание не является выводным, – не значит сказать, что оно не может быть подтверждено. Это значит только то, что любое подтверждение фактически не является средством, с помощью которого его достигает носитель.) С этой точки зрения не существует бесконечного по величине знания, которым овладел понимающий носитель, а существует только потенциально бесконечная способность к овладению знанием. Таким образом, требование о том, что бесконечное по величине знание у отдельного человека должно иметь конечный базис, из которого оно выводимо, неприменимо.

Этот взгляд, согласно которому в корректном описании понимания ничто не требует, чтобы аксиомы ТОЗ были известны носителям языка, не должен обосновываться тем, что все знание (или даже только семантическое знание) создания, использующего язык, должно быть явным. Ибо может существовать сообщество индивидов, у которых есть язык, понимаемый членами сообщества, и которые, таким образом, знают, что сообщают отдельные выражения. Однако в описании этого случая ничто не требует, чтобы их язык действительно содержал слово, которое означает «говорит» (в косвенном смысле), или «истинно», или что-то еще, что они могли бы использовать вербально, чтобы выразить это знание относительно частных произнесений. Аргументами в защиту этого взгляда, скорее, должны служить наиболее усложненные понятия, которые могут понадобиться для использования в теоретическом описании (как в семантическом, так и в синтаксическом) их языка. В частности, если мы припишем человеку убеждения, включающие эти усложненные понятия как часть нашего описания понимания языка, тогда мы должны объяснить, почему этот человек не поступает в других случаях так, как в соответствии с нашими ожиданиями поступал бы некто владеющий этими понятиями (такими как понятия последовательностей, трансформационных циклов и т.д.) Семантический аналог точки зрения Стича состоит в том, что у обычного компетентного носителя такого знания не существует и объяснение того, что он не ведет себя подходящим образом, заключается просто в том, что ему не нужно владеть этим понятием. Конечно, то, что

носители не знают принципов, которые определяют применение понятий, используемых в выражении истин, которые они знают, не является общей истиной. В качестве примера мы могли бы указать, что некто с бинокулярным зрением, по-видимому вполне способен одновременно уравнивать визуально оцениваемое расстояние.

Вторая тема этого раздела – неопределенность. В рассматриваемый период тезис Куайна о неопределенности перевода почти достоверно получает больше внимания в журнальных публикациях, чем любая другая тема из области теории значения. Одна из формулировок этого тезиса состоит в том, что могут существовать два равным образом хороших руководства относительно перевода с языка *L* на язык *M*, оба из которых сохраняют вербальные предрасположенности всего связанного с отношением к рассматриваемым предложениям и которые, однако, отображают данное предложение языка *L* в предложения *M*, отличающиеся по истинностному значению. (В этой формулировке понятие значения не используется.) Представления Куайна об основаниях для принятия этого тезиса за рассматриваемый период изменились, как и смысл, который он ему приписывает. В 1970 г. Куайн писал, что «действительным основанием» для принятия этого тезиса является общая неопределимость научной теории всеми актуально истинными (и «прикрепленными») предложениями наблюдения [Quine, 1970]. Однако позднее он также говорил, что единственный вариант тезиса о неопределимости, который он явно выдвигал, состоит в том, чтобы сказать, что наша теория мира должна иметь эмпирически (т.е. для Куайна – наблюдаемо) эквивалентные альтернативы, такие что если бы они обнаружили, мы не увидели бы способа примирить их посредством перевода предикатов одной теории открытыми предложениями другой [Quine, 1975]. Тогда смысл, в котором Куайн теперь приписывает неопределенность, поскольку он опирается на тезис о неопределимости, должен быть соответствующим образом изменен. Это определение нынешней позиции Куайна хорошо сопрягается с некоторыми замечаниями Патнэм [Putnam, 1974].

Для неопределенности Куайн различает аргумент сверху и аргумент снизу. Аргумент сверху, т.е. аргумент от неопределимости, состоит просто в том, что пока теория может изменяться, даже если истинностные значения всех прикрепленных предложений наблюдения фиксированы, может изменяться и перевод теоретических предложений иноязычного ученого при сохранении его предрасположенности к вербальному поведению, даже если фиксирован перевод его предложений наблюдения

[Quine, 1970]. На это правомерно возражала Патнэм [Putnam, 1974], заявляя, что предложенное Куайном понятие наблюдаемо эквивалентных теорий является очень слабым, направленным на согласование теорий, изъывительные предложения наблюдения которых являются следствиями этих теорий. Более широкое понятие требовало бы согласования контрфактических высказываний, сформулированных в терминах наблюдения. И крайне неясно то, что теория может изменяться, пока наблюдаемость фиксирована в этом смысле. (Ясно, что этот вопрос отчасти зависит от того, все ли контрфактические высказывания могут быть сведены к категорическим.)

По-видимому, независимо от точки зрения Патнэм позиция Куайна включает в себя асимметрию. Хотя согласно Куайну, наблюдение не определяет теорию, относительно принимаемой им физической теории он является реалистом. С точки зрения принимаемой им теории мюоны и искривленное пространство-время суть реальные, независимо существующие сущности. Почему бы не отобразить одно из многих приемлемых руководств по переводу и, с точки зрения принятого руководства, не сделать устойчивыми утверждения о том, что говорит носитель родного языка? Ответ Куайна [Quine, 1960; 1968] состоял бы в том, что публичность значения требует, чтобы оно не могло выходить за рамки того, что предопределено поведенчески. Но, как замечает Майкл Фридман [Friedman, 1975], это приведет к оправданию асимметричной позиции Куайна только в том случае, если языковое обучение, которое проходит в публично наблюдаемых обстоятельствах, не включает теоретического вывода или же действительной унификации этих публичных обстоятельств посредством неповеденческих понятий. (Написав это, я не намеревался одобрить предположение Фридмана, согласно которому одна из интерпретаций тезиса о неопределенности состоит в том, что ТОЗ не является в слабом или сильном смысле сводимой к физической теории. Эта интерпретация проблематична, поскольку, как кажется, в понятии слабой или сильной сводимости ничего не требует в соответствующем смысле уникальности редуцируемой теории. Если это корректно, по-видимому, остается открытой возможность, что две существенно различные ТОЗ для языка обе в слабом смысле сводимы к физике.)

Аргументы для неопределенности снизу состоят в том, что приводятся примеры однозначных выражений, являющихся частями предложений, которые могут быть интерпретированы более чем одним способом. Как отметил Куайн, свидетельство в пользу неопределенности

должно показать, что эти разные возможные интерпретации действительно ведут к различным полным интерпретациям всех предложений, в которые входит выражение. Единственный отвечающий этому условию пример, который Куайн в деталях развил в книге «Слово и объект», связан с интерпретацией слова, интуитивно переводимого как «кролик». Куайн утверждал, что переводы типа «неотъемлемая часть кролика» могли бы работать равным образом хорошо, если бы в интерпретации других частей языка были сделаны компенсирующие согласования. Мощная общая трактовка предикации была разработана Эвансом [Evans, 1975] и применена в аргументации против предположения Куайна. Теория Эванса заключается в том, что рассмотрение выражения как предиката объектов определенного вида должно быть оправдано ролью предполагаемого предиката, которую этот предикат вкладывает в санкционированные условия комплексных предложений, в которых он встречается. Чтобы исключить необщепринятые интерпретации слова «кролик», можно продемонстрировать естественные ограничения на интерпретацию выражения как предиката, производные от этой концепции. Куайн мог бы считать эти ограничения дополнительными предписаниями в отношении интерпретации, что все же не демонстрирует существования каких-то серьезных фактов по существу дела, коль скоро он точно так же не ограничивает свои собственные замечания относительно интерпретации логических констант, массовых терминов, терминов с распределенной референцией и т.д. Филд также ответил на аргумент снизу, отметив, что даже если бы такая неопределенность имела место, можно было бы сохранить объективное понятие истины без того, чтобы все семантические понятия релятивизировать относительно выбранного руководства для перевода [Field, 1974]. Далее он проводит различие между некоторыми подлинными случаями неопределенности референции, которые могут стать явными после научной революции, и разновидностями примеров, данных Куайном [Field, 1973]. Но точная мера неопределенности и ее отношение к различным видам семантического и психологического холизма заслуживают дальнейшего исследования.

Литература

- Baker, G. Criteria: A New Foundation for Semantics. *Ratio* 16 (1974): 156–89.
Burge, T. On Knowledge and Convention. *Philosophical Review* 84 (1975): 249–55.
Chomsky, N. Knowledge of Language, *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, VII, Ed. K. Gunderson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975.

- Davidson, D. Truth and Meaning. *Synthese* 17 (1967): 304–23.
- In Defense of Convention T. в H. Leblanc, Ed., *Truth, Syntax and Modality*, Amsterdam: North-Holland, 1973.
 - Replay to Foster, in Evans and McDowell. (1976).
 - and Harman, G. *The Logic of Grammar*. California: Dickenson, Encino and Belmont, 1975.
 - and Harman, G. *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1972.
 - On Saying That, in D. Davidson and J. Hintikka, Eds., *Worlds and Objections*. Dordrecht: Reidel, 1969.
 - Belief and the Basis of Meaning. *Synthese* 27 (1974): 204–23.
 - Radical Interpretation. *Dialectica* 27 (1973): 313–28.
- Davies, M. Meaning and Structure. Forthcoming in *Philosophia*.
- Dummett, M. What is a Theory of Meaning? (II). In Evans and McDowell. (1976).
 - What is a Theory of Meaning? In S. Guttenplan, Ed., *Mind and Language*. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- Evans, G. Semantic Structure and Logical Form. In Evans and McDowell. (1976a).
- The Casual Theory of Names. *Proc. Arist. Soc. s.v.* 47 (1973): 187–208.
 - Identity and Predication. *Journal of Philosophy* 72 (1975): 343–63.
 - And McDowell, J. *Truth and Meaning. Essays in Semantics*. Oxford: Oxford University Press, 1976b.
- Field H. Logic, Meaning and Conceptual Role. *Journal of Philosophy* 74 (1977): 379–409.
- Tarski's Theory of Truth. *Journal of Philosophy*. 69 (1972): 347–75.
 - Conventionalism and Instrumentalism in Semantics. *Notas* 9 (1975): 375–406.
 - Quine and the Correspondence Theory. *Philosophical Review* 83 (1974): 200–28.
 - Theory Change and the Indeterminacy of Reference. *Journal of Philosophy* 70 (1973): 462–81.
- Fodor, J.A. *The Language of Thoughts*. New York: Crowell, 1975.
- Fodor, J.D. *Semantics: Theories of Meaning in Generative Grammar*. New York: Crowell, 1977.
- Friedman, M. Physicalism and the Indeterminacy of Translation. *Notas* 9 (1975): 353–74.
- Grandy, R. Some Remarks about Logical Forms. *Notas* 8 (1974): 157–64.
- Reference, Meaning and Belief. *Journal of Philosophy* 70 (1973): 439–52.
- Graves, C. et al. Tacit Knowledge. *Journal of Philosophy* 70 (1973): 318–331.
- Grice, H. Utterer's Meaning and Intentions. *Philosophical Review* 78 (1969): 147–77.
- Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word-Meaning. *Foundations of Language* 4 (1968): 1–18.
- Hacker, P. *Insight and Illusion*. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Harman, G. *Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Meaning and Semantics. In M.K. Munitz and P.K. Unger, Eds., *Semantics and Philosophy*. New York: New York University Press, 1974a.
 - Review of Shiffer [24]. *Journal of Philosophy* 71 (1974b): 224–9.
- Hintikka, J. Quantifiers in Logic and Quantifiers in Natural Language. In S. Kärner, Ed., *Philosophy of Logic*. Oxford: Blackwell, 1976.
- Quantifiers in Natural Languages: Some Logical Problem II. *Linguistics and Philosophy* I (1977): 153–72.
 - Reply to Peacocke. In E. Saarinen, Ed., *Game-Theoretic Semantics*. Dordrecht: Reidel, 1978.
- Katz, J., and Fodor, J. The Structure of Semantics Theory. *Language* xxxix (1963): 170.

- and Postal, P. *An Integrated Theory of Linguistic Description*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1964.
- *Semantic Theory*. New York: Harper and Row, 1972.
- Kreisel, G. Foundations of Intuitionistic Logic. In E. Nagel et al., Eds., *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Stanford 1962.
- Lewis, D. General Semantics. In D. Davidson and G. Harman, Eds., *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1972.
- *Convention*, Cambridge, Mas.: Harvard University Press, 1969.
- Lycan, W. Noninductive Evidence: Recent Work on Wittgenstein's "Criteria". *American Philosophical Quarterly* 8 (1971): 109–25.
- McDowell, J. Truth Conditions, Bivalence and Verification. In Evans and McDowell. (1976).
- McGinn, C. Charity, Interpretation and Belief. *Journal of Philosophy* 74 (1977): 521–35.
- Montague, R. *Formal Philosophy*. Ed. R. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974.
- English as a Formal Language. In Montague [3]. (1974b).
- Peacocke, C. Game-Theoretic Semantics, Quantifiers and Truth. In E. Saarinen, Ed., *Game-Theoretical Semantics*. Dordrecht: Reidel, 1978.
- What is a Logical Constant? *Journal of Philosophy* 73 (1976a): 221–40.
- Truth Definitions and Actual Languages. In Evans and McDowell, and in trans. (1976b).
- Putnam, H. The Refutations of Conventionalism. In M.K. Munitz and P.K. Unger, Eds., *Semantics and Philosophy*. New York: New York University Press, 1974.
- Quine, W. *Philosophy of Logic*. Engelwood-Cliffs: Prentice-Hall, 1969.
- The Roots of Reference. La Salle, Ill.: Open Court, 1974.
- On the Reason for Indeterminacy of Translation. *Journal of Philosophy* 67 (1970): 178–83.
- On Empirically Equivalent Systems of the World. *Erkenntnis* 9 (1975): 313–28.
- *World and Object*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1960.
- Ontological Relativity. *Journal of Philosophy* 65 (1968): 185–212.
- Ramsey, F. General Proposition and Causality. In *The Foundations of Mathematics and Other Essays*, Ed. R. Braithwaite. London: Routledge, 1931.
- Saarinen, E. Game-Theoretical Semantics. *Monist* 60 (1977): 406–18.
- Schiffer, S. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Searl, J. *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University, 1969.
- Strawson, P. Scrutiny and Wright on Anti-Realism Etc. *Proc. Arist. Soc.* 51 (1976–7): 15–21.
- Stich, S. What Every Speaker Knows. *Philosophical Review* 80 (1971): 476–96.
- Wallace, J. On the Frame of Reference. In D. Davidson and G. Harman, Eds., *Semantics of Natural Language*. (1972).
- Wright, C. Truth-Conditions and Criteria. *Proc. Arist. Soc.* s.v. 50 (1976): 217–245.
- Strawson on Anti-Realism. *Synthese* 40 (1979): 283–299.